

DOI 10.31029/vestdnc89/6

УДК 94(479)

**ДАГЕСТАНСКИЙ ВЛАДЕТЕЛЬ ХАДЖИ-ДАУД
В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В ВОСТОЧНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.**

Ш. А. Магарамов, ORCID: 0000-0001-8705-6143

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

**THE DAGHESTAN LANDOWNER HADJI-DAUD
AND THE RUSSIAN-TURKISH BORDERLINE IN THE EASTERN CAUCASUS
IN THE FIRST THIRD OF THE XVIII CENTURY**

Sh. A. Magaramov, ORCID: 0000-0001-8705-6143

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

---

Аннотация. Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. привел к коренным геополитическим изменениям в Кавказско-Каспийском регионе, южные границы Российской империи вытянулись вдоль западного и частично южного берегов Каспийского моря. Впервые в Восточном Закавказье установилась российско-турецкая граница, разделившая владения кавказских, в том числе дагестанских, владетелей. Последние оказались по обе стороны пограничья и были втянуты в орбиту непростых международных отношений. В статье исследуется политическая деятельность одного из влиятельных владетелей Северо-Восточного Кавказа первой трети XVIII в. Хаджи-Дауда (Дауд-бек) в условиях, когда регион был вовлечен в евразийские политические процессы. Установление российско-турецкого пограничья также привело к разделу владений Хаджи-Дауда между двумя державами. Тем не менее под его непосредственное управление было передано Ширванское ханство, формально считавшееся независимым, а де-факто находящееся под протекцией турок. На основе новых документальных данных из фондов федеральных архивов, часть которых впервые вводится в научный оборот, и анализа материалов историографических источников исследуются попытки дагестанского (лезгинского) владетеля Хаджи-Дауда перейти на сторону российской власти, вызванные ослаблением к нему внимания со стороны турок, и причины непринятия его в российское покровительство.

Abstract. The Persian campaign of Peter I in 1722–1723 led to fundamental geopolitical changes in the Caucasus-Caspian region. The southern borders of the Russian Empire stretched along the western and partly southern shores of the Caspian Sea. For the first time in Eastern Transcaucasia, the Russian-Turkish border was established, dividing the lands of the Caucasian and also Daghestan, rulers. The latter found themselves on both sides of the border and were drawn into the sphere of complex international relations. The paper examines the political activity of one of the influential rulers of the North-Eastern Caucasus in the first third of the XVIII century Hadji-Daud (Daud-bek) in the period when the region was involved in the Eurasian political processes. The establishment of the Russian-Turkish border also led to the partition of Haji Daud's possessions between the two powers. Nevertheless, the Shirvan Khanate was transferred under his direct control, which was formally considered independent, but *de facto* remained under the patronage of the Turks. On the basis of newly uncovered documentary data from the collections of federal archives, and the analysis of materials from historiographic sources, the author examines the attempts of the Daghestan (Lezgin) ruler Hadji Daud to collaborate with the Russian authorities, caused by the weakening of the Turks' supervision over him, and the reasons for not accepting him under Russian patronage.

Ключевые слова: Российско-турецкое пограничье, Восточное Закавказье, дагестанский владетель Хаджи-Дауд, политическая позиция.

Keywords: Russian-Turkish border, Eastern Transcaucasia, Daghestan ruler Hadji Daud, political stance.

Последняя внешнеполитическая акция с личным участием Петра Великого – Персидский поход 1722–1723 гг. – коренным образом изменила геополитическую ситуацию в бассейне Каспийского моря. На юго-восточном Кавказе кроме Турции и сефевидской Персии, традиционно соперничавших за господство на Кавказе, появился новый политический «игрок» в лице Российской империи, поэтапно приближавший свои границы к Северному Кавказу.

С началом Персидского похода внешнеполитические позиции кавказских владетелей четко определились. Дагестанский (лезгинский) владетель Хаджи-Дауд (Дауд-бек) Мюшкюрский занял

антироссийскую позицию, поскольку был объявлен российской властью одним из «бунтовщиков», от чьих рук пострадали русские купцы в Шемахе в 1721 г. Шемахинский «инцидент» и послужил поводом для осуществления похода Петром I. Как было отмечено в манифесте, поход был предпринят с целью наказания Хаджи-Дауда, Сурхай-хана [6, с. 244–246] и других дагестанских владельцев, от действий которых русским купцам в Шемахе был нанесен существенный ущерб.

Еще до взятия летом 1721 г. Шемахи Хаджи-Дауд обратился к российским властям в надежде установить военно-союзнические отношения. Известны два его письма от 21 апреля 1721 г. астраханскому воеводе И.В. Кикину, в которых Хаджи-Дауд объясняет причины своего восстания против шаха, заверяет о готовности российскому «государю верно служить... со всеми своими людьми» и предлагает развивать взаимовыгодные торговые контакты [6, с. 240–241].

Координатор кавказско-каспийского вектора внешней политики России на тот период, астраханский губернатор А.П. Волынский поначалу намекнул Хаджи-Дауду, что российской власти выгодна его борьба против Сефевидов [5, с. 43–44]. Однако после того, как он отправил к Хаджи-Дауду своего поручика с целью выяснить его дальнейшие действия, принял для себя решение оставить предложение Хаджи-Дауда без внимания. А.П. Волынскому стало известно, что Хаджи-Дауд рассчитывал на военную помощь («войска и довольное число пушек») от российской стороны и собирался освободить от власти Сефевидов стратегически важные города Дербент, Шемаху, Баку и другие провинции, и «которые ему удобны, те себе оставит (а именно Дербент и Шемаху)», а те земли, что на правом берегу реки Куры вплоть до Исфахана [1, с. 234], уступит России взамен оказанной военной помощи. Очевидно, подобный план развития политических событий в юго-западном Прикаспии не мог устраивать российскую власть, которая сама планировала, воспользовавшись системным политическим кризисом в шахской Персии, завоевать данный регион и установить контроль над прикаспийским торговым путем. Столкновение стратегических интересов Хаджи-Дауда и России в Западном Прикаспии не дало им возможности выстроить между собой политические контакты.

В донесении Петру I А.П. Волынский убедил государя, что не стоит привлекать на российскую сторону Хаджи-Дауда, который желает получить российскую военную помощь и поддержку только ради достижения собственных целей – «хочет, чтоб ваших был труд, а его польза» [1, с. 234]. В декабре 1721 г. Петр I ответил А.П. Волынскому: «Письмо твое получил, в котором пишете о деле Дауд-бека и что ныне самый случай о том, что вам приказано предуготовлять» [7, с. 173].

В условиях новых геополитических реалий в Кавказско-Каспийском регионе, когда российские и турецкие экспансионистские планы в регионе усиливались и прошения Хаджи-Дауда о военном союзе с Россией были отклонены, в нем начали преобладать протурецкие позиции. Осенью 1721 г. астраханский губернатор был осведомлен от кабардинских князей, что «Дауд-бек и Сурхай-хан, ребелазанты персидские, послали [письмо] к турецкому султану через крымского хана, чтобы он их принял под свою протекцию и прислал бы свои войска для охранения Шемахи» [1, с. 235].

Старания российской администрации воспрепятствовать принятию Хаджи-Даудом турецкого подданства не привели к успеху, хотя первоначально турецкий визирь обещал российскому резиденту в Константинополе И.И. Неплюеву не принимать Хаджи-Дауда, как и Сурхай-хана, под свое покровительство [1, с. 236]. В конце 1722 г. от имени султана Хаджи-Дауду была отправлена жалованная грамота, согласно которой он становился турецким подданным с наделением ханского титула и передачей под его непосредственное управление двух «областей – Дагестана и Ширвана». Турецкие власти возлагали на Хаджи-Дауда большие надежды в плане завоевания остальных персидских областей и вытеснения из Дербента русского гарнизона, которому была выделена сумма «30 000 червонных и обещано вспоможение войском» [7, с. 194].

С уходом основных частей российской армии во главе с Петром I из Дагестана в связи с временным приостановлением Персидского похода Хаджи-Дауд вместе уцмием Кайтага Ахмед-

---

ханом предприняли штурм Дербента, пытаясь выбить из города российский гарнизон во главе с комендантом полковником А.Т. Юнгером. Город был осажден отрядами горцев со всех сторон. Как доносил комендант А.Т. Юнгер, «дербентским жителем из города выходить нельзя, разве для [заготовки] дров на гору с ружьем, и то собрався многолюдством»¹. 20 сентября 1722 г. дербентский комендант докладывал кабинет-секретарю А.В. Макарову, что отряды дагестанских владетелей – Хаджи-Дауда, уцмия Кайтага, казикумухского Сурхай-хана и утемышского Султан Махмуда три дня подряд атаковали ретранжемент на реке Дарваг-чай, что к северу от Дербента, «и сего сентября 19 дня нападение неприятельское было сильное, что уже и во рву наших побито многих»².

В распоряжении коменданта А.Т. Юнгера в Дербенте было оставлено 1500 солдат и драгунов Рязанского и Вологодского батальонов (по рапорту генерала М.А. Матюшкина, на рубеже 1722–1723 гг. в распоряжении дербентского коменданта находилось 1555 военнослужащих) и 300 мало-российских казаков с тремя сотниками и одним старшиной. На их содержание император выделил коменданту 1500 руб.³ Оставленных сил явно не хватало для обеспечения безопасности и поддержания коммуникаций в регионе, поскольку с уходом основных частей российской армии действия отрядов дагестанских владетелей, недовольных появлением в прикаспийском Дагестане русских войск, резко активизировались.

23–27 октября 1722 г. Дербент подвергся осаде объединенных сил Хаджи-Дауда и уцмия Ахмед-хана. Посланник Хаджи-Дауда убеждал коменданта в безысходности положения осажденных, поскольку, по его словам, в штурме участвуют более 100 тыс. горцев: «от неприятельской стороны один к городской стене прибегши близко, говорил русским языком, отдайте Дербень, пришло нас сто тысяч; а ежели не отдадите, то возьмем сильно и вас всех вырубим»⁴. В действительности, как удалось нам установить по архивным документам, общая численность участников нападения на город едва доходила до 2 тыс. человек⁵. Окружившие город силы, не решившись на штурм крепости, отступили. Были растоптаны сады и огороды жителей города за южной городской стеной.

Отступление отрядов Хаджи-Дауда было связано с неустойчивостью их положения в лагере и мятежом в столице повстанцев. Прибывший из деревни Ньюнди в Дербент армянин Афанасий Незюзов доносил, что Хаджи-Дауд стоял со своим отрядом в деревне Хачмас (ныне город в Азербайджанской Республике), что расположена на расстоянии одного дня езды от Дербента, и «которые войска были с ним на приступе у Дербеня, сказывали ему, Даут-беку, что служили мы тебе три года, а жалованья нам от тебя нет, и разошлись де все по домам»⁶. В это же время торговый караван Хаджи-Дауда из 50 верблюдов с багажом, передвигавшийся из Астрабада в сторону Баку, был разграблен бакинцами⁷. Возможно, что именно эти причины привели к снятию осады отрядами Хаджи-Дауда города Дербента. Тем не менее 2–3 ноября объединенные отряды горцев вновь предприняли походы к Дербенту, однако и на этот раз «учинить ничего не смогли»⁸.

В отмстку за нападение на город дербентцы вместе с российским гарнизоном предпринимали карательные экспедиции на владения Хаджи-Дауда и уцмия Кайтага. 9 ноября из Дербента 130 человек конницы отправились к устью реки Милюкент (ныне р. Рубас), где «стоял караул от Даутбекова войска с 400 человек, оной дербенцы разбили и скотины всякой мелкой даутбекова владенья у

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 143 об.

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 9. Оп. 4. Д. 61. Л. 863–863 об.

³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1102. Л. 342.

⁴ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 152–153.

⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 61. Л. 867–868.

⁶ Там же.

⁷ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 153.

⁸ Там же. Л. 154 об.

мужиков отогнали с 3000 и побили до смерти даутбековых людей 6 человек, да ранили 11, а когда приехали в Дербень, привезли с собою 4 головы отрубленных, а дербенцов ранено 2 человека»⁹.

Хаджи-Дауд, подстрекаемый турецкими властями, не оставлял планов взять город Дербент и выбить русских солдат из укрепления в устье реки Милюкент. В условиях начавшихся трудностей в своем лагере, связанных со значительными людскими потерями при штурме русских укреплений, он задумал хитрость – якобы турецкий султан прислал к нему письмо, в котором обещал помощь войском и артиллерией. Данный архивный документ достаточно интересный, потому приведем его текст полностью. «Когда де Даудбек приступал к Мюлюкенскому транжементу, тогда де от салдат и казаков, бывших в ретранжементе, побито и ранено было Даудбековых людей немало, и когда де приступал Даудбек к Дербеню, тогда люди ево, Даудбековы, сказали ему, Даудбеку, что когда де и к малой Мюлюкенской крепости приступали мы и там де наших побили и ранили многих, а Дербень де нам взять невозможно ни по которому образу. И разошлись от него, Даудбека, все по своим домам, и он де, Даудбек, видя то, что ево никто не слушает, умышлением своим он, Даудбек, велел в Шемахе брату своему Маматхану зделать письма фальшивые чрез турецкова ахуна, которое в Шамахе живет уже года с четыре и торгует, и велел прислать ис Шемахи те письма как к нему, Даудбеку и к шамхалу, и в Дербень, так и к протчим горским владельцам с почтарями. И велел тем почтарям сказывать в народе, что бутто они, почтари, едут с письмами к Даудбеку от турецкого султана и пустить славу, что войско турецкое и артиллерия идет от султана турецкова к Даудбеку на помощь. И когда де те почтари к нему, Даудбеку, из Шамахи пришли, тогда он Даудбек, собрав горских старшин, объявил тех почтарей и письма, и сказывал им турецкой де султан пишет ко мне, что послал ко мне на помощь войска и артиллерии довольно, обманывая народ, чтоб ево, Даудбека, слушали и ему служили. Однако ж и ныне никто ево, Даудбека, не слушает и в собрание к нему не идут»¹⁰. Как следует из письма, данная задумка Хаджи-Дауда не привела к успеху.

Поход Петра I в Западный Прикаспий не мог не активизировать политику Османской империи на Кавказе. Петр I, прекрасно зная об этом, заблаговременно принял меры по смягчению позиций турок. Накануне похода резиденту И.И. Неплюеву был послан рескрипт с объяснением причин похода якобы наказание виновников шемахинского погрома 1721 г. И.И. Неплюев предложил султану отправить в Россию своего посланника, что и было сделано. Послов российская сторона убедила, что мир с турками не будет нарушен, и им было сделано предложение о возможном разделе владений Сефевидов. Послы, лично убедившись в возвращении Петра I из похода в Петербург, в какой-то мере успокоили турецкие правящие круги [8, с. 385].

Турки пытались вытеснить русских с завоеванных прикаспийских областей, а позиция Петра I в этом вопросе была принципиальной – не допустить турок к Каспию. Шли долгие и тяжелые переговоры, которые в конце концов завершились подписанием 12 июня 1724 г. Константинопольского договора. По условиям достигнутых договоренностей в качестве буферной зоны между Россией и Турцией в Восточном Закавказье было создано номинально независимое Ширванское ханство, но под протекторатом турок. Хаджи-Дауд был назначен турецким двором правителем (ханом) Ширвана.

В дальнейшем предстоял сложный процесс демаркации российско-турецкой границы, затянувшийся вплоть до 1728 г. Российско-турецкая граница проходила от владений Сурхай-хана Казикумухского до места слияния рек Аракса и Куры [6, с. 298].

В ходе работы в фондах РГВИА нам удалось выявить карту («Карта о границе, сочиненной в Ширвани») с указанием процесса разграничения территорий между Российской империей и Тур-

---

⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 63. Л. 609–609 об.

¹⁰ Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф.77. Сношения России с Персией. 1723 г. Оп. 77/1. Д. 8. Л. 34–34 об.

цией в Восточном Закавказье. Археографическое описание карты было осуществлено Л.А. Гольденбергом [3, с. 120], но сама карта не была опубликована. Красной прямой линией на карте отмечена граница между двумя государствами в соответствии со ст. 1 Константинопольского договора 1724 г. Пунктирная красная линия к западу от Дербента и от реки Самур означает, что определение границы еще не завершено.

В Дагестане под власть турок переходили владения Сурхай-хана Казикумухского и лезгинские общества в верховьях р. Самур, а остальная часть Дагестана была признана за Россией. Под властью турок также признавались Грузия и Ереванская провинция. Таким образом, в Восточном Закавказье впервые возникло российско-турецкое пограничье, которое разделило кавказские народы и общества, испокон веков связанные между собой этнокультурными контактами. Местные пограничные сообщества и их правящая верхушка волею судьбы оказались втянуты в сложные международные отношения.

Разделу подверглись и владения Хаджи-Дауда, часть его земель переходила под российскую сферу влияния. Поэтому он всячески начал препятствовать демаркации российско-турецкой границы. С целью затянуть процесс разграничения земель он подкупил турецкого Мустафа-пашу, заплатив, по данным И.И. Неплюева, «12 тысяч туманов», что составляло российскими «деньгами 120 тысяч рублей»¹¹. Командующий турецкими войсками в Гяндже паша отозвал своих уполномоченных представителей по определению границ до весны 1727 г. Воспользовавшись этим, Хаджи-Дауд пытался переселить в свои владения жителей из российской сферы влияния. Находящаяся в российской зоне влияния крепость Денге (Тенге) в Кубинской провинции была занята им и укреплена каменной стеной в 1724 г. Генерал-лейтенанту А.И. Румянцеву пришлось осадить крепость и выбить оттуда Хаджи-Дауда еще до окончания разграничения российско-турецкой границы.

Назначение Хаджи-Дауда ханом Ширвана привело и к расколу среди дагестанских владетелей. Последние собрались в местности Худат (ныне город в Азербайджанской Республике), чтобы разделить закрепленные за ним области. За Хаджи-Даудом признавалось только Мюшкюр и Шабран, Шемаха и Баку – за шамхалом Тарковским, Куба и Калхан – за уцмием Кайтагским, Дербент – за майсумом Табасарана. Вмешательство турецкой стороны сорвало намеченный план дагестанских владетелей. «Пришел де с турецкова Стамбула посланник Кевели ко Сурхаю в Агдаш и Сурхай прислал от себя к шемахинским старшинам человека своего и велел спросить, меня ли де любят шамахинцы или Даутбека, и шемахинцы, бояся ево, Сурхая, послали к нему, Сурхаю, письмо, что нам де надобен Сурхай, а Даутбека не надобна, и он, Сурхай, послал в Стамбул к туркам письмо, что шемахинцы де меня желают к себе быть владетелем, а не Даутбека, и я де взял оной город Шемаху, а имя несется Даутбекова...»¹². Сурхай-хан Казикумухский, чьи владения также перешли под протекцию турецкого султана, отказывался признавать Хаджи-Дауда ханом Ширвана. В сложившейся российско-турецкой пограничной зоне среди местных правящих элит шла борьба за лидерство в регионе.

Хаджи-Дауд, наблюдая за усилением внимания турок к Сурхай-хану, начиная с середины 1720-х гг., видимо, решил изменить свой внешнеполитический курс и перейти на сторону российской власти. В 1725 г. в своих письмах к представителю российской администрации в Дербенте коменданту Юнгеру, называя его «благородный и почтенный господин», «боярин дербенской», информировал его о положении турецких войск в районе Гянджи – в центре дислокации турецких войск на Южном Кавказе. В письмах от 3 и 10 сентября 1725 г. дербентскому коменданту Хаджи-Дауд обещал и впредь информировать российскую администрацию о ситуации в лагере турецких

¹¹ АВПРИ. Ф. 77. Сношения России с Персией. 1726 г. Оп. 77/1. Д. 16. Л. 30.

¹² РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 68. Л. 1174–1175.

войск, и соответственно просил информировать его также о том, какие события будут происходить в российской зоне влияния, «какие есть ведомости, о том дружески»¹³.

Хаджи-Дауд, видимо разочарованный ослаблением к нему внимания со стороны турецких властей, продолжал сотрудничать с российской военной администрацией на Кавказе. В 1728 г. из Шемахи он отправил некоего армянина Захара к находящемуся в Баку генерал-лейтенанту А.И. Румянцеву с сообщением, что «Атачюка (брат шамхала Тарковского. – *Ш.М.*) у него в Шемахе, и проситца в Генжу к паше, токмо он ево не отпускает и увещевает, чтоб он не ездил, представляя ему все злые турецкие поступки к тамошним народам, а ежели де недоволен чем, то б ехал к нему, генералу лейтенанту...». А.И. Румянцев отправил в Шемаху своего посланника с целью разведать обстановку в регионе и с благодарностью Хаджи-Дауду за то, что он не отпустил Атачюка к турецкому паше в Гянджу и уговорил его приехать к генералу¹⁴.

Несмотря на старания Хаджи-Дауда, российские власти, не намеренные нарушать условия мирного договора с турками, решили и на этот раз отказать ему в российской протекции. В резолюции от 28 марта 1728 г. командовавшего Низовым корпусом князя В.В. Долгорукова генералу А.И. Румянцеву указано было, чтобы «ево (Хаджи-Дауда в российскую протекцию. – *Ш.М.*) не принимать, ибо нам от него какую прибыль иметь не видится»¹⁵ [4, с. 177].

Учитывая возрастающую роль Сурхай-хана на Северо-Восточном Кавказе как одного из влиятельных деятелей, и Россия, и Турция пытались привлечь его на свою сторону. Сурхай-хан значительное время успешно лавировал между двумя державами, и как только «турки в 1727 г. ему прислали пашинской чин и к тому на знак два года или бунчук и жалованье 3000 руб. на год [определили] и к тому же отдали уезд Кабалу, то он турецкую сторону принял и им учинил» [2, с. 103]. Турецким правящим кругам Сурхай-хан, который был «силен и мочен», показался более действенным владетелем, чем Хаджи-Дауд, и было принято решение назначить его правителем Ширвана¹⁶.

Отстраненного турками от власти Хаджи-Дауда судьба была предрешена. В 1728 г. он был арестован турецкими властями: «От паши прислан был Ага, которой приехав к Дауд-хану объявил, дабы он собрал как духовных, так и всех старшин, и когда они собраны были, то первому из духовных помянутой Ага повелел солтанской указ читать и по прочтении указа Дауда, также братья его обоих, детей взял под караул. И того ж дни хотел их везти, токмо народом упросили, чтоб дал им убраться, хотя малое время, и он, взяв с него Дауд-хана тысячу рублей, одну ночь, ночевав, на другой день рано их в Гянджу повез. А жен всех их собрал в один дом и поставил караул, а город приказал свойственнику Сурхаю, который с ним приехал в Шемаху»¹⁷. Из Гянджи Хаджи-Дауд вместе со всеми близкими родственниками был переведен в Эрзурум, а оттуда сослан на остров Родос в Эгейском море, где он и умер [9, с. 76]. По другим данным, Хаджи-Дауд чуть позже со всей семьей из острова был возвращен в турецкий город Гелиболу [10], расположенный на берегу пролива Дарданеллы, где и находятся их захоронения.

Таким образом, внешнеполитическая позиция одного из руководителей национально-освободительного движения народов Восточного Кавказа против власти Сефевидов Хаджи-Дауда Мюшкюрского, от чьих действий в Шемахе в 1721 г. пострадали в том числе русские купцы, с началом Персидского похода была ориентирована на Турцию. Его обращения накануне похода к российской администрации об установлении военно-союзнических отношений были отклонены астраханским губернатором А.П. Волынским по причине неприемлемости выдвинутых им условий. С возникновением в Восточном Закавказье российско-турецкой границы владения Хаджи-

¹³ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 74. Л. 849–850.

¹⁴ АВПРИ Ф. 77. Сношения России с Персией. 1728 г. Оп. 77/1. Д. 4. Л. 92 об.

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 19. Л. 219.

¹⁶ АВПРИ Ф. 77. Сношения России с Персией. 1728 г. Оп. 77/1. Д. 4. Л. 110 об.

¹⁷ Там же. Л. 109–109 об.

Дауда оказались разделенными между двумя державами. Сам Хаджи-Дауд перешел под протекцию турок и поставлен был во главе Ширванского ханства, созданного в качестве нейтральной зоны в пространстве российско-турецкого пограничья. Активизация военно-политической деятельности другого дагестанского владетеля, Сурхай-хана Казикумухского, который также формально находился под турецкой протекцией, привело к свержению власти Хаджи-Дауда в Ширване и назначению на его место Сурхай-хана. Попытки Хаджи-Дауда с середины 1720-х гг. перейти на сторону российской власти, вызванные ослаблением к нему внимания со стороны турецких властей, также не привели к успеху. Российская кавказская администрация и на этот раз отклонила обращения Хаджи-Дауда о российской протекции, чтобы не нарушать мирные условия с турками.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01106, <https://rscf.ru/project/23-28-01106/>

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаджиев В.Г.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. 272 с.
2. *Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 60–120.
3. *Гольденберг Л.А.* Рукописные карты и планы XVIII в. как источник по истории города Дербента // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 115–140.
4. Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722–1735 гг.): сборник архивных документов / сост.: *Е.И. Иноземцева, Ш.А. Магарамов, Н.Д. Чекулаев*. Махачкала: МавраевЪ, 2020. 376 с.
5. *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 381 с.
6. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1958. 336 с.
7. *Соловьев С.М.* Петр Великий на Каспийском море // Вестник Европы. Т. II. СПб., 1868. С. 163–202.
8. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IX. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1993. 672 с.
9. *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, Главн. ред. вост. лит., 1991. 221 с.
10. *Шахбазов Г.И.* Последнее пристанище Хаджи-Давуда [Электронный ресурс]. URL: https://flnka.ru/glav_lenta/12972-poslednee-pristanische-hadzhi-davuda.html (дата обращения: 12.03.2023).

Поступила в редакцию 14.07.2023 г.

Принята к печати 28.08.2023 г.

***

Магарамов Шарафутдин Арифович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; 367030, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Ярагского, 75; e-mail: sharafutdin@list.ru

Sharafutdin A. Magaromov, Candidate of History, senior researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS; 75, Yaragsky st., Makhachkala, Republic of Daghestan, 367030; e-mail: sharafutdin@list.ru